ЕВРОПА 28.11.2017 | Грант Микаелян

Евразийская и европейская реальности пересеклись в Армении

Как изменится формат Восточного партнерства после подписания CEPA с Арменией

24 ноября, на V саммите Восточного партнерства в Брюсселе представители Армении и Европейского союза подписали соглашение о всеобъемлющем и расширенном партнерстве (CEPA). Помимо этого, было парафировано соглашение об общем авиационном пространстве, что позволит Армении присоединиться к единой авиационной зоне ЕС, а также произошло расширение Транспортной сети ЕС (TEN-T) на страны Восточного партнерства, включая Армению. Наконец, в совместной декларации саммита заявляется об ожидании прогресса и в диалоге о либерализации визового режима, как это уже произошло в случаях с Молдовой, Грузией и Украиной. Армения стала первым членом ЕАЭС, имеющим подобное соглашение, и формат Восточного партнерства теперь выглядит как 3+1+2 (Грузия, Молдова, Украина + Армения + Азербайджан, Беларусь).

Армения шла к европейской интеграции изначально практически в том же направлении, что и Грузия, хотя и с некоторым отставанием. Этот процесс включал в себя подписание Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (PCA), вступление в Совет Европы, вовлечение в политику соседства (ENP), а также участие в программе Восточного партнерства (ВП). Однако в 2013 году Ереван объявил о вступлении в Таможенный союз, подорвав таким образом диалог с ЕС. Лишь в конце 2015-го возобновились переговоры, но уже о новой форме сотрудничества.

На этот раз подход Европейского союза изменился, и политика «и-и» (то есть и Европейский союз, и Евразийский союз) оказалась для ЕС приемлемой. Против этого подхода также не выступали в России: членство в ЕАЭС достаточно четко очерчивает рамки европейской интеграции Армении само по себе. Тем не менее в России были слышны критические мнения в отношении нового рамочного соглашения Армении с ЕС.

Нынешний договор о всеобъемлющем и расширенном партнерстве Армении с ЕС в действительности представляет собой политическую часть Соглашения об ассоциации с ЕС. Проект предыдущего армянского соглашения так и не был опубликован, но опубликованы соглашения ЕС с Грузией, Украиной и Молдовой, что позволяет сравнить их с CEPA. Основная разница между этими соглашениями состоит не в тексте, а в дополнениях к нему. Грузинский текст содержит около 600 страниц приложений, включающих в себя десятки протоколов касательно торговли, дополнительные договоры, многочисленные пояснения, а также список защищенных европейских товаров. Приложения к украинскому документу и вовсе приближаются к 2000 страниц.

В чем успех?

Стоит отметить, что подписание этого соглашения не означает, что оно сразу вступит в силу: еще предстоит этап ратификации во всех странах ЕС и самой Армении, что займет до двух лет. Напомним, Соглашения об ассоциации Молдовы и Грузии с ЕС полностью вступили в силу 1 июля 2016 года, а Украины – лишь 1 сентября 2017-го. Тем не менее армянское политическое руководство рассматривает заключение CEPA как успех и хороший задел на будущее. Подписав политическую часть Соглашения об ассоциации, фактически Ереван смог добиться своей цели, хотя и с опозданием в четыре года. Учитывая турбулентность, царившую в регионе весь этот период, и тяжелые последствия, которыми обернулся конфликт России и Украины, у армянских властей нет оснований считать этот период потерянным. Статус первого члена ЕАЭС, имеющего подобное соглашение, Ереван использовал как основной козырь для ускорения переговоров. Это отличие от других стран Восточного партнерства будет использоваться им в качестве политического капитала в дальнейшем, как в переговорах с ЕС, так и с ЕАЭС. Парадоксально, но евразийская и европейская реальности пересеклись в Армении, более того, они «работают» друг на друга.

Евразийская и европейская реальности пересеклись в Армении, более того, они «работают» друг на друга

Есть и другие обстоятельства, позволяющие считать заключение соглашения с ЕС успехом. Во-первых, Армения сохранит преференциальный торговый режим GSP+, что рассматривается как получение преимуществ от торговли с ЕС с минимизацией рисков потери внутреннего рынка. Во-вторых, по всей вероятности, к середине 2018 года начнутся переговоры с

ЕС о безвизовом режиме, что станет возможно в результате подписания СЕРА; учитывая опыт других стран, переговоры займут около трех лет. В-третьих, Армения сумела поднять политический диалог с ЕС на достаточно высокий уровень, не поставив под угрозу собственную безопасность, таким образом, «опережая» Азербайджан и Беларусь в отношениях с ЕС. Теперь Армения и Азербайджан рассматриваются со стороны Брюсселя в качестве отдельных случаев, тогда как в прошлом Евросоюз пытался сохранить видимость паритета в интеграции.

Ограниченные перспективы

В отличие от Грузии, Украины и Молдовы, в Армении сравнительно малой популярностью пользовалась риторика «цивилизационного выбора», который страна должна сделать между ЕС и ЕАЭС, тем более что руководство страны всячески пыталось избежать такой постановки вопроса. Конечный «приз» за подписание соглашения в действительности не столь велик: перспектива членства у стран Восточного партнерства отсутствует. Сейчас страны Восточного партнерства называются во всех документах лишь «восточными партнерами», а не европейскими странами, как это планировалось в изначальном документе 2009 года. Финансирование программы также не очень значительно.

Конечный «приз» за подписание соглашения в действительности не столь велик: перспектива членства у стран Восточного партнерства отсутствует

Само по себе Соглашение об ассоциации предоставляет лишь ограниченную форму интеграции, которую можно сравнить, к примеру, с СНГ, который определял рамку сотрудничества постсоветских стран в 1990-х и 2000-х гг. Кроме того, если три страны ВП, подписавшие Соглашение об ассоциации, имеют серьезные проблемы в отношениях с Россией, а также территориальные потери, то Армения сочла для себя это невозможным, тем более что ЕС отказался предоставлять Армении какие-либо гарантии безопасности.

Общественное мнение Армении в отношении ЕС и ЕАЭС в большой степени зависит от наличия успехов в интеграционных процессах, а также их экономического выражения. Так, осенью 2013

года уровень поддержки членства в ЕС составил 41% по сравнению с 54% годом ранее (данный вопрос не предполагал выбора между ЕС и другими объединениями). К 2017 году, на фоне отсутствия экономических успехов, ЕАЭС в значительной мере растерял общественную поддержку, и теперь число сторонников членства в ЕС составляет 33%, в ЕАЭС – 32%, и 12% поддерживают членство в обеих организациях.

Мотивация Евросоюза

Напоследок необходимо понять и мотивацию руководства ЕС в переговорах с Арменией. Представляется, что ЕС, стоящий на распутье между Брекситом и реформами в пользу углубленной интеграции, предлагаемыми Францией, нуждается в позитивных историях, никак на практике его не обременяющих финансово и политически. В отличие от интеграционного раунда 2013 года, который оказался сложным и конфликтным, на этот раз ЕС сумел заключить соглашение с Арменией, а также запустить ряд инициатив в сфере транспорта, наряду с либерализацией визового режима в отношении Грузии и Украины, вступившей в силу с 2017 года, при отсутствии противостояния с Россией.

В целом политика ЕС в отношении его партнеров еще со времен политики соседства состоит в формировании предсказуемого и понятного, социально, политически и экономически подобного окружения, которое бы обеспечивало ему мягкую подушку с востока и юга и предотвращало проникновение угроз безопасности или массовых миграций на европейский континент. Другие причины, как уже было отмечено, включают в себя периферийные контакты с Евразийским союзом и наличие успехов в расширении без действительного расширения на восток, особенно в условиях, когда даже интеграция Западных Балкан выглядит по меньшей мере среднесрочной, а то и долгосрочной перспективой. Со своей стороны, Армения предоставила Европейскому союзу эти возможности на данном этапе, что и стало причиной ряда уступок со стороны ЕС в отношении Армении и сделало возможным подписание Соглашения о всеобъемлющем и расширенном партнерстве.

Грант Микаелян

Ереван

Грант Микаелян (Hrant Mikaelian) – политолог, научный сотрудник Института Кавказа. Автор и соавтор 3 монографий и более 30 научных докладов и статей. Сферы интересов включают политическую, социальную, экономическую и демографическую динамику региона Южного Кавказа.